

ГАЗЕТА П О ЭЗИЯ

N 1/1995

Константин КЕДРОВ

КОММЕНТАРИЙ К ОТСУТСТВУЮЩЕМУ ТЕКСТУ

Этот текст является комментарием к отсутствующему тексту. Хотя отсутствующий текст является комментарием к этому тексту.

В отсутствующем тексте множество гипербол, метафор, синекдох, метафизических аллюзий, но все они могут быть истолкованы и в обычном смысле. Обычный смысл второстепенен, но в то же время именно он главный.

Но нет обратного хода от второстепенно-главного к главно-второстепенному.

Речь изобилует намеками на обстоятельства, известные и понятные только узкому кругу лиц или даже одному лишь автору. Но и сам автор не знает, о чем он пишет, хотя отсутствие текста спасает дело и несколько сужает искомую многозначность смысла.

Текст иронизирует над этим комментарием, пародирует его, и в то же время он не ироничен, не пародиен и скорее исповедально-лиричен, но лирика здесь не в общепринятом и общедоступном смысле, а в каком-то другом, не общедоступном значении.

Здесь наиболее тонкий ход, поскольку слово отсутствует даже в отсутствующем тексте, и произвол комментатора очевиден. Однако у комментатора нет другой возможности обозначить отсутствие означаемого в том, что является главным стимулом всей игры отнюдь не игрового субстанционального свойства. Перегруженность философской терминологией еще более увеличивает расстояние между интерпретируемым и интерпретатором. Здесь легко впасть в самоиронию, чего не следует делать, или поддаться метафизической эйфории, что еще более пагубно для изначального смысла, как он есть.

Текст построен таким образом, что искажения, вносимые самим высказыванием, составляют как бы ядро и первооснову. В этом видна особая тонкость. Само отсутствие текста делает искажения минимальными.

Семантическая вибрация похожа на инстантонные колебания физического вакуума, порождающего виртуальные смыслы. Религиозная, культурная и физическая символика все время отвлекает от основного значения, и только отсутствие культуры, неортодоксальность веры и ненаучность физической парадигмы отчасти спасает дело.

Теперь нужно сосредоточиться. Именно в этом месте давление отсутствующего текста достигает максимальной тонкости снаружи (раздувание мыльного пузыря или модель «раздувающейся вселенной») идеально отражает возникшую семиотическую коллизию.

Аналогия цыпленка, проклевающего прозрачную прокладку внутри яйца, или матери, чувствующей из чрева толчки младенца как некое щекотание вплоть до опасности прободения, – вот что ожидает неосторожного читателя в этом месте.

Ему уже кажется, что он все понял, что отсутствующий текст вырвался наружу, что лопнули обручи комментария, что отсутствующий автор отсутствующего текста имеет в виду мировое ничто, нирвану, нечто, дзэн, мировой звук, инь-ян, апофатическое богословие, нигилизм, прозрение, вдохновение, любовь к ближнему как самого себя, любовь в общепринятом (каком?) смысле слова, просто поэзию или, на худой конец, теорему Гёделя о неполноте («если высказывание верно, оно не полно» или «в языке содержатся недоказуемые высказывания») – все это было бы верно, если бы отсутствующий текст был; но его нет или как бы нет, и в этом главная заставка.

Не надо думать, что комментатор знает о тексте больше читателя. Он (комментатор) в положении Буриданова осла: справа сено, слева вода. Сено – смысл, вода – абсурд, но в отличие от осла автор не погибает от голода или жажды из-за невозможности выбора и есть и пьет, не задумываясь о возможности чередования.

Тут спасительный структуральный или диалектический цинизм только усугубляет дело, поскольку и автору, и комментатору цинизм и структурализм противны до тошноты. Поэтические симпатии автора несомненны. Хлебников, Хармс или на крайний случай Элиот могли бы многое прояснить в данной каблограмме, если бы опять же она была, кабалистика Нагаруджаны и дзэн Кузанского мало что выявляет в амбивалентности текста и описания.

На помощь приходит Борхес или спасительная «Игра в бисер», но все мы понимаем, что это путь наименьшего сопротивления, уводящий в смысловой ад.

Вот здесь-то и возникает проблема финала. Отсутствующий текст двусмыслен при чтении – это полбеда, но он еще и бесконечно длинен, хотя и краток.

Вульгарные антитезы не спасают от поражения в духе кантовских антиномий или блудливых диалектик, поэтому я как комментатор полностью признаю свое поражение и возлагаю все надежды на дальнейшее отсутствие текста.

Андрей БАРТЕНЕВ

* * *

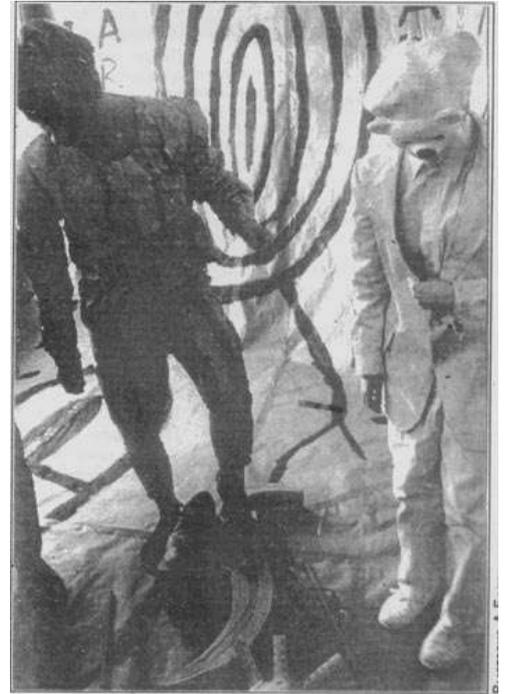
Рисунок к рисунку
сложился квадрат
в котором я спрячусь рисунком
от этих услужливых
бед и преград
судящих – что худшее хуже...

Я ветка в корявой зеленой траве
Я след пробежавшего зайки
Я солнце в затучье
Я темень в трубе
Я сойка в дупле,
лопочущая как иностранка
Дорожка
ограда
окно и жердель

козявка и ласковый пудель
я лоскут у бабушки старой в руке –
пеленка для внука и внучек

Но тот кто разложит
рисунка квадрат –
разломит пустую кубичность –
не сможет меня
он нигде отыскать
хоть будь он большая стоглазка –
Я там –
за смотрящего взглядом
Я в счастье
летающий каляка

1995

Генрих САПГИР

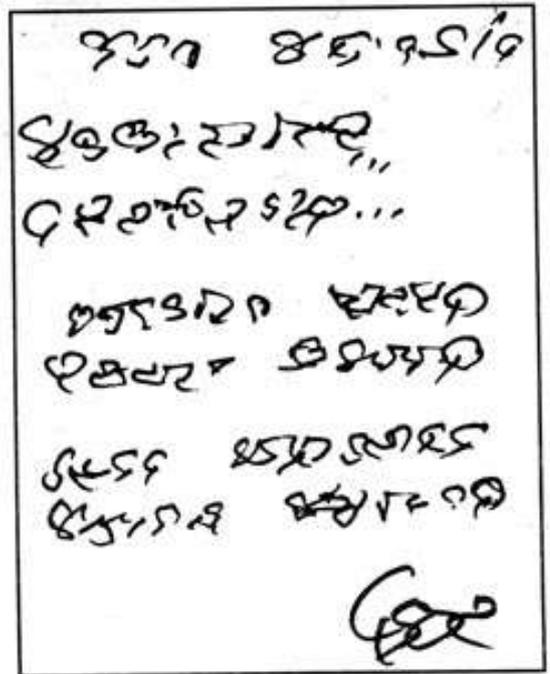
Стихи на неизвестном языке

Наверняка это подготавливалось исподволь – там, в мозжечке, но произошло как-то вдруг. Как, откуда произошло, а, может, произошло, неизвестно, просто я почувствовал, что моя рука, которая сочленена, а, возможно, выросла из моего плеча, иначе почему бы ей здесь болтаться вроде сломанной ветки, сама задвигалась по листу бумаги, выписывая какие-то узоры. Как принтер компьютера. Я сообразил, что наверно это послание и сложил другой рукой в мою судорожными рывками двигающуюся руку черную авторучку. И вот на изумленно белом поле появились ряды значков, скорее всего – букв, слова, по моему, строки на совершенно мне незнакомом языке. Я взял листок, поднес его поближе к лампе – и ничего не смог прочесть. Это были стихи, я видел. Рядом стоящие строки заканчивались подобными знаками: можно было понять, что это рифмованные стихи.

Сказать, что ничего не ощущал, было бы неправдой. Это была тень чужого, нет, не чужого, какого-то постороннего вдохновения, чувства искреннего и возвышенного. Я почувствовал даже удовлетворение, когда не скажу, что перечитал, а пересмотрел исчерканный листок, и понял, что стихи определенно удались. Но о чем эти стихи? Никаких картин мне тоже не представилось, слишком издалека. И что за поэт? Какое он имеет ко мне отношение?

Догадка пронизала меня, как укол. Скорее всего это тот же я, но существующий совсем в другом мире, который ему представляется, естественно, как и мне – здешнему, нормальным и будничным.

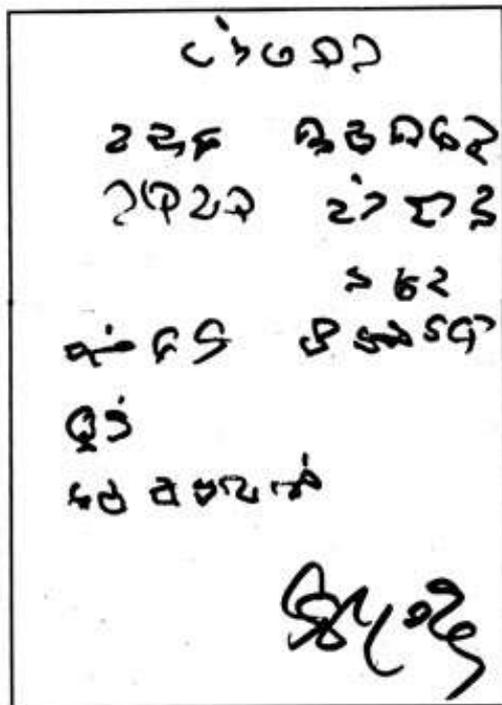
В какой-то момент он меня почувствовал так остро, что произошел контакт. Он ощущал всю неповторимость его реальности, всю драгоценность его бытия, он был поэт, он писал стихи. И, соединившись с ним, я тоже все почувствовал, как впервые, свежесть снега, уступающего с легким хрустом моим, еще теплым, только что из дома желтым ботинкам. Серый одинокий листок на голой березке. И все, все. Он там прогуливался возле может быть

своего Дома Творчества где-нибудь в однозначной Переделкину местности – и не береза это вовсе была, и не снег, а я понимал, что – снег и береза. Он про все это сочинял, а я сидел в Москве и записывал (даже лист бумаги побелел, смутился, видимо, не привык к такому).

Вообще мир представляется мне толстым слоеным пирогом, где каждый слой – новая реальность. И возможно, где-нибудь носят не одежды, а дожди, и вместо лица – носатая птица. И соитие называют «выпить кружку пива» или смять простыни», если есть там пиво и простыни, но наверно там есть то, что соответствует и пиву, и простыням – и многому-многому, поскольку там есть поэт и стихи.

Таких «меня», я думаю, множество, но каждый сидит в своей реальности, непрозрачной, как скорлупа

ореха. А если орех случайно трескается, сознание успешно защищается от всего нового, невыносимого, от этих обликов, отсветов, чудовищ, просто переносит на них признаки прежнего, привычного, нормального, своего. Называет его дядя Вася, а это настоящий динозавр. Но произошло чудо: рука моя, минуя сознание, рисует свои стихи, мой невозможно далекий «я». Вот, я поставил тебя в кавычки, но ты то-то живешь безо всяких кавычек и готов поклясться, что настоящий — это ты, а я — твоя туманная проекция. Вдальощущение, почти просто предположение.

Но я-то слушаю, не слыша, эту невозможную радиопередачу. Время от времени я записываю то, что слышу, не слыша, чувствую, не чувствуя, что пишу, не понимая ни черточки. И на что-то это похоже. Я клянусь, это похоже на загадку всей нашей жизни. Поэтому в один прекрасный момент диктор произнесет своим поставленным голосом: «Дорогие радиослушатели!..» Нет, скорее всего: «Дорогой радиослушатель, наши передачи на такой-то волне прекращаются». И потом сколько не крути ручку настройки, не переключай с диапазона на диапазон, там в эфире — только писки, шорохи и широкое эхо Вселенной — вовне или внутри меня?

Валерия НАРБИКОВА

Которые не пишут стихи

(Фрагмент из романа «...и путешествии»)

Почему-то так получалось, что все романы Кисы, то есть все герои ее романов, то есть все ее (употребим легкомысленно слово от слова любовь) любовники, почему-то писали стихи. Все до одного. Даже ее любимый. Даже друг любимого, даже эта Чернобыльская АЭС (черно было не подводит слово) писали стихи. И жених писал стихи. И Александр Сергеевич. Конечно, хуже, чем Пушкин. Но если, например, перевести Александра Сергеевича на французский или английский, и Пушкина перевести, то в переводе они будут одинаковые, что муж, что Пушкин. Пустое занятие — перевод.

Но ведь есть и другие люди. Которые не пишут стихи. Ходят и не пишут. На работе сидят и не пишут. Влюбляются и не пишут. И перед смертью не пишут. Какие-то они странные эти люди. А может, их вообще нет. Может, есть только те, которые пишут стихи. А все остальное это мираж. Это плод воображения поэта. Их вообще нет, этих людей. Они нужны для рифмы. Для фона. Для настроения. Или совсем не нужны.

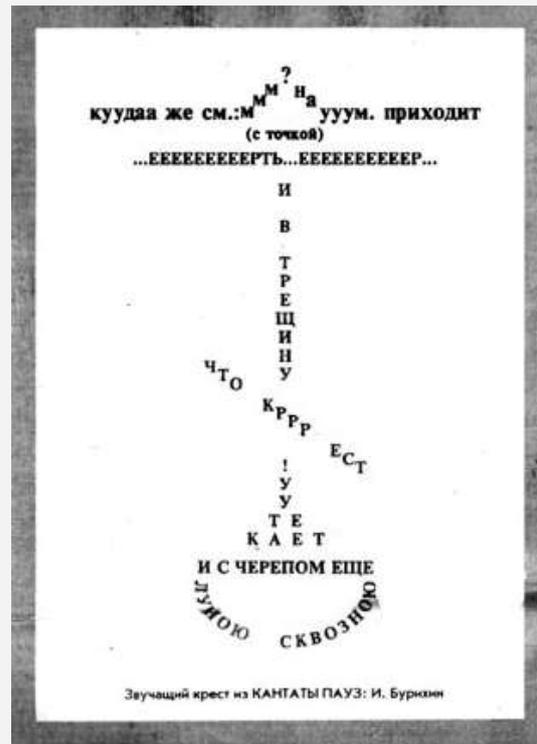
Из шума, капель, крестиков, градусов, облаков и комаров состоит видимость. А есть такие люди, которые не видят погоду, пейзаж, розу, видят только мертвую натуру, натурморт. Птица, но в клетке. Почти мертвая. Она — игрушка для людей. Люди любят игрушки.

Спортивные игры. Военные игры. Любовные игры. Азартные игры: карты, рулетка. И жмурки. Самая увлекательная игра. Даже Николай Степанович в нее играл с гимназистками. Даже Наполеон играл в войну с англичанами, немцами, поляками. С русскими играл. Но у Наполеона выиграла зима: снег, мороз, и чистое поле. И в

этом чистом поле на морозе под снегом — русский мужик в тулупе. Он и есть представитель зимы. Его трудно обыграть. Он закаленный. Он не как француз под зонтом в кафе. Он в сапогах. Он прожженный. Он с детства в сапогах. Как только родился сразу раз — и в сапоги. И тулупчик на нем. И котелок при нем. И за пазухой кое-что: сердце — раз, и еще одно которое согревает на морозе в чистом поле, во фляжке бьется сердце, в нем сорок градусов в этом сердце, оно крепкое, оно так разгонит кровь, что ее и Бонапарт не остановит. Да ее никто не остановит, эту кровь. А все-таки странно, вот сердце, оно гоняет кровь. Внутри человека. Он замкнутая система, человек. А если бы его разомкнуть, сделать из него хоть кривую линию, то это сердце, которое гоняет кровь по этой кривой линии угнало бы ее прямо, эту кровь, прямо к самым облакам. А он не писал стихи. Он их не читал. Не знал наизусть. Он их не любил. Он даже не мог отличить хорошее стихотворение от плохого. Иногда она читала ему свои стихи. Редко. Но даже в эти редкие минуты, когда он делал вид, что слушает ее, чтобы ее не обижать, он старался не слышать эти стихи, и думал о чем-нибудь совсем постороннем.

Даже хороший поэт бывает плохим человеком: эгоистом, пьяницей, плохим семьянином. И бывает смертным. Вот, Пушкин, например, великий поэт, а его убили. Просто застрелили в живот. Вот, например, Верлен. Тоже не пример. Писал, спился и умер. Тургенев умер без семьи. Блок жил жил и неизвестно отчего умер. А Бодлер всю жизнь так последовательно культивировал несчастье, что умер совершенно несчастным человеком. Добился своего. И Лев Толстой добился своего — сбежал. В последний день перед смертью раз и его нет, раз — а смерть тут как тут. Вот поэт... Спрашивается, если его не интересует ничего кроме стихов, то стихи, они должны быть хорошими, очень хорошими или просто классикой.

Игорь БУРИХИН
(Германия)

Игорь Холин

Поле

Предо мной было поле
На поле
Росли цветы
Ромашки
И васильки
На другом конце поля
Стояла ты
Я видел
Твои зеленые глаза
Я побежал к тебе
Я пересек все поле
Я был почти у цели
И вдруг
Я увидел
Другое поле
Оно стояло отвесно
Как стена
Я побежал
По этому полю
В надежде
Разыскать тебя
Но тебя нигде не было
Тут я взглянул
На свои руки
Их тоже не было
Я исчез
Однако
Я чувствовал
Что я есть
Что-то обволакивало меня
Цеплялось

За мои
Несуществующие бока
Я получал
Непонятные сигналы
Наконец
Как сквозь сон
Я начал разбирать
Слова
Пришелец
Не занимай
Чужую орбиту
И толчок в бок
Внутренности мои
Перевернулись
Я взвыл от боли
И опять сигнал
Пришелец
Не занимай
Чужую орбиту
Я ждал удара
Но его не последовало
Я почувствовал
Как что-то
Потянуло меня за собой
Вот так так
Сказало
Невидимое существо
Будешь
Лететь за мной
Энергии хватит
На двоих
Расскажи
О твоём мире
Из которого ты прибыл
Я сказал

Что я ничего не помню
Я помню только
Зеленые глаза
Любимой
И больше ничего
Жаль
Отозвалось существо
Я хочу установить
Контакт
С вашим миром
Пока это не удастся
Никто ничего не помнит
А может ваш мир
Куда переселяются
Наши души
После смерти
А ваш мир
Может быть
Тот мир
Куда переселяются
Из нашего мира
Нет
Мы сделаны
Из другой материи
Но я ничего не вижу
Велика скорость
Я попал к вам
По ошибке
Да
И часто
Такое случается
Не часто
А что бывает с пришельцами
Погибают
Я тоже погибну

Не обязательно
Случайно
Ты можешь оказаться
В своем измерении
Так и случилось
Я снова
С вами
Друзья
Я узнаю вас
Я стою
На Родной земле
Я помню
Зеленые глаза
Любимой
Она стояла
По ту сторону
Поля
Однако
Теперь там
Никого нет
Сказали
Стоявшие рядом со мной
И глаз у нас
Тоже нет

У нас есть
Светоприемники
Когда-то на Земле
Действительно
Жили люди
У которых были глаза
Мы знаем об этом
Из книг
Стихотворений
Того времени
Это было давно
Тут вперед
Выступил один
С конусообразным черепом
И сказал
Вот стихотворение
О глазах
Над миром всем
Плывут глаза
Твои глаза
Как образа
И зелены они
И сонны

Как
Космос
Немы
И бездонны
Мне с трудом
Удалось
Расшифровать
Эти странные
Абстрактные значки
Это стихотворение
Написал я
Сказал я
Я любил девушку
У которой были
Зеленые глаза
Но ведь это стихотворение
Написано
Миллион лет
Тому назад
Ответствовали мне
Да
Сказал я
Возможно это было
Именно так

Пауль ван ОСТАЙЕН

Фламандский поэт родился в городе Антверпене в 1896 году. Был обновителем и экспериментатором нидерландскоязычной литературы. Являлся представителем не только французского кубизма и немецкого экспрессионизма, но и воздействовал на дальнейшее развитие этих направлений своим творчеством. Автор трех сборников стихов. Умер в возрасте 32 лет. В последние годы своего творчества пришел в поэзии к чистой лирике, или органическому экспрессионизму, как он сам это называл. Слависты сравнивают его поэтику с поэтикой Велимира Хлебникова.

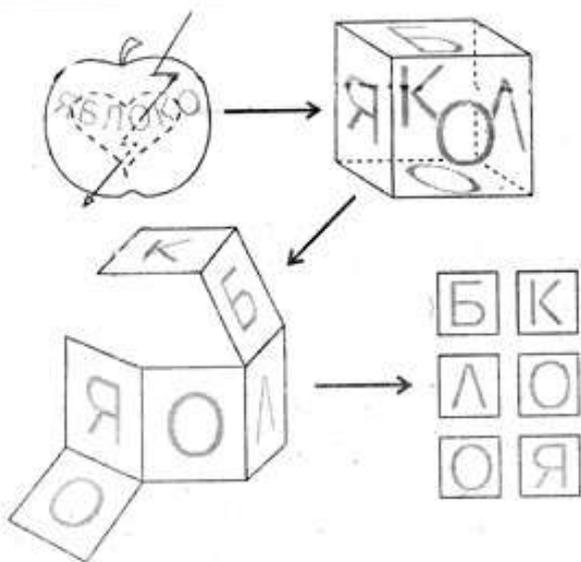
ДООС – Добровольное общество охраны стрекоз. Стрекозиная стая пульсирует и трепещет. Вокруг нас образуются вихри, водовороты других систем. К нам примыкают и летят вместе с нами до поворота множество художников, прозаиков, композиторов и поэтов.

ДООС трепещет, как стрекозиная стая над прудом из звездного неба. Многое сказано, но невысказанного намного больше. В принципе все наши тексты есть комментарий к великому молчанию космоса или комментарий к отсутствующему тексту...

Елена КАЦЮБА

ЯБЛОКО

Текст «Яблока» по недоразумению был напечатан в 1993 г. в газ. «Комсомольская Правда» под фамилией Ю.Кабаков

Десант

Текст с комментарием

Не всякий знающий ноты умеет читать музыку с листа. Не каждый, читающий с листа стихотворение, сумеет услышать его звучание. В таких случаях нужна аранжировка – форма записи, которая поможет прочесть текст так, как задумано автором.

В русском звучании слово стрекоза – взрыв, страсть. В итальянском libellula – полет, любовь. Звуковые потоки из р, л, з создают графический рисунок текста, прихотливый, как полет стрекозы, неровный, как дыхание взволнованного человека. Они сливаются в слове лазурь и разлетаются снова.

Уже
тяже-
леют
легкие,
леденеют
ладони.
видишь,
в прозрачных погонах
резидент небесной
разведки
на квадраты
обстрела
делит лазурь
стрекоза –
libellula bella,
огневые точки –
ее зрочки.
Стрела
вертикали, размах
параллели –
летней
метели
зуд и озноб.

Парашиютистка,
ближе,
чем близко,
спускается к сердцу,
разумна –
безумна,
танцующий зуммер.

Поцелуем в упор –
прыжок!
Но улетела,
оставила тебя
на произвол
любви.

Каждое облако –
благо,
если все небо –
лучистый глаз –
просьба?
мольба..?
Приказ!

ЯБЛОКО –
в нем два языка:
ЛЯ – музыка
КОБОЛ – электроника
Это ЛОБ и ОКО БЛОКа
Моделирующего БЛОКаду
на дисплее окон
Так тупо стучит мяч – БОЛ –
БОЛЬ немягченная
мягким знаком
также казнь немягченная
есть знак –

КОЛ в БОК
в кругу славян
танцующих КОЛО

Я
выхожу из яблока
оставляя круглый провал –
ОБОЛ
плату за мое неучастие в
программе
под кодовым названием
ЯБЛОКО

Константин Кедров

Поэма Зверья

Я хочу играть в свое Я с тобой
Если нет тебя
то меня здесь нет
я – привитый к тебе черенок-привой
я в разрезе срез
я в срезе разрез

чувство именуемое любовью
океан вливаемый в океан
я привет к тебе
как черенок к подвою
ты – стакан
не вмещающий океан

но и океан – только продолженье
того что переполняет краешки губ
каждое слово лишь порожденье
от единого корня «ЛЮБ»

корень ЛЮБ
суффикс – ЭЛЬ
окончание – Ю
Ю – ЭЛЬ – ЛЮБ
ЭЛЬ – Ю – ЛЮБ
ЛЮБ – Ю – ЭЛЬ

я твоё Я
я твоё Ё
я твоё Ю
я твой Кедр
ты моя Ель

Эль Елена
Елена Эль
Ель Елена
Елена Ель

я не человек, любимая, нет
у меня есть тело, но я любовь
тело сплетено из твоих тенет
где улов –
любовь
а любовь
из волн

Сладкая волна – как девятый вал
захлестнуло горло и тянет в глубь
я успею только сказать «I love»
но ведь это тоже от корня ЛЮБ

Многоэтажный «Титаник»
из слов с корнем ЛЮБ
перерастает океан и тонет
в себе самом
Море –
любви тысячегорбый из волн верблюдо
сам в себе несущий
знойный сладкий самум

Вот уже и нет никакого зла
ты и я
но это уже напалм
это поезд
летающий в речной вокзал
это пароход
плывущий в депо вдоль шпал

Потому что небо только кровать
где не уместится даже двоим
потому что нет края того ковра
самолета
на котором мы все летим

Иногда я думаю что Париж
был придуман
чтобы в нем жили
не мы а другие
да и рай был создан для того лишь
чтобы изгнать из него Адама

Я как строитель
строивший дом
не с фундамента
а прямо с крыши
не изгоняемый из рая Адам –
остаюсь в тебе как в Париже

Я наверное дирижер
для полета
автопилота
взмах –
перелет Москва – Париж
взмах –
перелет Москва – Рим
взмах –
и сам над собой летишь
как вертолет или херувим

Граница тел – соприкосновенье
я прикасаюсь к прикосновенью
я завидую своей тени
она сливается с твоей тенью

Быть может и сам я такая тень
Ангела влюбленного в твоё лоно
Я привит к твоей наготе
Как коринфский аканф к колонне

Мне никогда нигде
не нужно
если я не с тобою
я привит к твоей наготе
как черенок к подвою

Мне все яснее
что я – не я

Мне все понятней что
Ян не Инь

Я не ты если
Инь не Ян

Ян не Инь
если я не ты

Потому что у чувства
есть волчий привкус
и оно не может отпустить тело
если тело – сгусток звериных чувств
то оно уже душа а не тело

Я устал посылать к тебе
этих радужных нежных птиц
я уже получил ответ
у свирепого ключа в сердце
я хочу сыграть в свое Я
в рокировке тел блиц
я хочу оказаться
в середине
тесного
солнца

В середине литавр
я хочу быть звук или ключ
Когда я ускользает голо
я изнеженный зверь
под названьем скрипичный ключ
извергающий ноты из
логова и глагола

Я отчаянный ключник
со связкой из звонких Я
открывающих двери в кущи
изваянье из Я
рык зверья
из рулад соловья

Тут поставить бы точку
но в этом
отчаянный риск
Точка –
только источник
в котором
утонет мир – Арарат
поэтому вместо точки
будет

звериный рык
потому что я рад
потому что я град
на вершине горы Арарат
где растет виноград

Торопись в свое логово
зверь
настигай свою суть
неизбежен финал
скаковой охоты
изливая свое Я
в нежногубое устье из уст
ты охотник и зверь
потому что ты зверь и охотник

Этот тигр саблезубый
берет меня
в нежную
дрожь
своей пасти
Или тысячерогий
сохатый
вознес
на рогах
и разнес
мои части
по чаще

Часть меня –
глаз Озириса
вырванный Сетом
фаллос бога
и главная часть –
твое сердце

Откупорив крышку рояля
звук
переполняет собой лазурь
так в горле моем этот крик возник
признания в том
что я
только зверь

Виктор ПЕРСИК
примкнувший к ДООС
(США)

Главы из «Сотворение Ми»

2

Теперь два окна. Было три, а теперь два. Стволы шелкали часто-часто. Он привстал на цыпочки и слабо икнул. Никого не надо было ждать. А собственно и утром было то же самое. Только без света. Срам один да и только. Между тем, сказано отдай, значит присядь, пожалуйста. И он пошел. Всякое там громкое слабопоношенное не годилось. Только многостороннее и с одним углом отражало суть. И если мало было, то уже становилось скучно.

Наступал Новый Год. От кулисы до кулисы висела продажная тварь. Стерильный порошок принесли пожарники, и тогда ртутный термометр стал показывать Красную Шапочку.

Милый, милый, где ты есть? Там на спинке ум и честь. Все колодцы мира собрались в одну кучу. Пришлось ему все-таки попросить салфетку. И елка приподнимала, и небо царапалось. Около кассы стало опасно. Может не надо, — подумал он про себя. И сразу же заболели зубы. Все как обычно. Четыре гвоздика успели. Картуз, кафтан, каблук, банан и запах овечьего сыра. Справа от колонны

висела вязанная карета с деревянными нарукавниками. Сразу же за ней, совсем внизу можно было различить силуэт коня. Как же мне поступить? — спросил он великого композитора. Тот сидел на своем цилиндре и не обещал внимания прохожим. Их было два. Во всяком случае, один, это точно. Протырить эту карету было невозможно и пришлось распустить ее на ниточки. Получилось два маленьких клубочка. Один серый другой белый. Между темнело. Только четыре деревянных шарика светились по краям ночной гавани, разбрасывая ириски проплывающих кораблей. Портографию привели в состояние боевой готовности. Сразу же после салюта отъехала лодка с моторчиком. И композитор устало улыбнулся.

4

Сильно бывает дважды. В начале и в конце. Поэтому в тамбуре горел свет. Около платформы скучали два укса. Желтые. Отодвинуть было нельзя и пришлось покрасить. Не вертись, — сказал один другому. Тот медленно стирал носки и смотрел вверх краев. Дозволь мне самому — произнес он сгоряча. Если смотреть на них со стороны, то ни за что не поймешь. Кролик так и поступил. Он разобрал во всем, только когда заскрипели тормоза Сука ты, — медленно заговорил тот, который высох первым. У этого еще не просохло. Раздалось молчание. Полосатый носок отскакивал от колеса. Его бы так никто и не услышал. Но он не умер. Все решил запах. Он его не перенес.

Василий БЕТАКИ

(Франция)

* * *

Пора кончать петербургскую повесть. —
Небо сдернуто над головой,
Осыпаются звезды при каждом слове,
Обернувшись жухлой листвою.
Пора прекратить бесконечное бегство

От наизнанку надетого детства,
Жевавшего черный подсолнечный жмых,
Считавшего палку за главное средство;
И не ломать больше мельниц чужих.

Пора забыть вавилонскую башню,
И в прежние русла течения рек
Вернуть —
и увидеть, что вроде не страшно
Кончается варфоломеевский век

Почему ж у Старухи не прялка в руках,
А крапленая — в звездах — колода
И на всех королях — двухсотлетний страх
Девяносто Третьего года?

Выбрось карты — уж лучше — калейдоскоп
Повертеть, чтоб стекляшки бренчали!
Чуть его шевельнешь — никогда не вернешь
Ни вчерашний узор, ни старинную ложь,
Ни того, что мелькнуло в начале —

Ну, встряхни раз-другой, но смотри, не спеши —
Дай подробнее разглядеть витражи.
Пестрых пляшущих стеклышек нищенский шик —
Словно брызги на низком причале,
Все в лицо да в лицо
Не судьба ли твоя,—
За безрыбьем житья, за бессоньем питья,
Разбренчалась чужими ключами?

С фотографии старой, перед домом чужим
Уходя, как в бинокль перевернутый, в дым,
Я сливаюсь, чернея, с пролетом дверным.
И наверное, это — прощанье
С детством, с городом, с веком (и с кем там еще?)
Догони-ка, попробуй, схвати за плечо,
Где,— спроси,— все твои обещанья?
город тонет, век — стар, призрак детства — нелеп:
Те года зачерствели, засохли, как хлеб
Только мыши в подпольях пищали,
Времена разворовывая по кускам
И шагал командор по подгнившим доскам.

Так о чем, и к чему мы с ним спорили?
Вон лежит он,— никчемная груда камней,
И едва ли живой, и едва ли нужней
Всех иных истуканов истории.
Год на год громоздя кирпичи этажей,
Кто-то переложил в это тесто дрожжей —
И с погашенными свечами,
В лабиринтах плутая под маршевый вой,
В позолоченный полдень биясь головой,
Мы забыли, что Слово — в начале.

Века, детства и города странная смесь,—
Петербургская повесть кончается здесь.
И причалы — пусты и печальны:

Чуть сверкнул между тучами солнечный глаз
Над пучиной утопших утопий,—
как шпангоуты сгнили, кораблик погас
И корявым проломом, в Европе —
Дырка вместо окна.
И метет в нее снег
И кончается варфоломеевский век.

Слепые песни

(отрывок из повести)

У чугунной ограды, в задней части сада, в тополиной аллее, горел костерок. Он был обложен кирпичами, чтобы ветер его не задул, но ветер дул поверху и огонь бросался на кирпичи, взывал, плескался, шелковый, но потом затихал и горел ровно и ясно. В глубине двора сквозь черные застывшие ветви видна была согбенная спина памятника. Спина жила в средних ветках.

С бульвара в калитку вошел человек в рабочей одежде. Он поглядел на Памятник, сказал: «Охо-хо-хо». Потом он поглядел на костерок в углу сада. Он сказал Памятнику: — Эх, рассказать бы Гоголю про нашу жизнь убогую. Он прошел весь садик насквозь. Вышел в другую калитку, в переулочек. Заскользил по льдистому асфальту. Трое у костра закивали вслед, заулыбались. Даже Не-надо-не-надо, кивая, бормотала, утвердительно: «Да-да-да» Они поняли по голосу человека, что, посмеиваясь, он им сочувствует. (А когда человек проходил, торопясь, вместе с ним смутно мелькнули теплые комнаты, люди в таких живут), от этого было еще приятней. Но налетел ветер, тоня ужасную рванину бумаг, больно хлеща песком, гремя пивными банками, комнаты без сожаления забылись, как чужие, а лица троих сильнее к огню потянулись, помаргивая и жмурясь от удовольствия, что он есть. Огонь от ветра взбесился, почуяв безбрежность мятущегося воздуха, стал бросаться на кирпичные загородки, добиваться воли, он хотел вырасти, и взречь, запеть аж до неба. С любопытством смотрели на ярость огня. «Да-да-да», — кивала Не-надо-не-надо. Огонь был молодой. Восхищал.

Таился Памятник, взнесенный в путаницу ветвей, вжимал голову в плечи, вжимался в пьедестал, хотел съехать, сползти с дыбы, в землю поглубже лечь. Но понизу пьедестала охвачен был летучим, резвым хороводом химерок. Они бежали, кружили, подгоняя друг друга—кусая друг дружке маленькие пяточки — все вокруг и вокруг, не устанут, не замрут ни на миг. Они караулили, и не пускали вниз. Стой. Славься.

Ворона не смотрела на Памятник. Не интересна была его глухая боль. Он жил в среднем воздухе, а она в верхнем. Самое же интересное всегда творилось внизу.

Третьим у огня был — Хрипун. Это он нашел костерок и хрипло позвал Не-надо-не-надо, которая рылась в помойке. А Прыгало уж сам набрел.

У Хрипуна на лбу было выжжено «РОВ». Когда Хрипун тянул боязливо лицо к огню, то багровые отблески плясали на кривых рубцах клейма. Это однажды большие мальчишки подсмеялись, когда Хрипун спал на чердаке. Но они не сообразили, и «Вор» выжгся обратный — «РОВ». Хрипун был боязливый, он всегда вздрагивал, никогда не смеялся, а если случалось хорошее или веселое, он вытягивал губы, доставая до кончика носа и шевелил своим «Ровом». Это он нашел огонь. Он сидел и шевелил своим «Ровом» и хрипел. Это он так дышал. Как будто только что прибежал. Он боковым зрением поттичьки обегал садик. Он боялся всегда.

Ворона подумала, подумала и каркнула.

Вздрогнул один Хрипун. Он тревожно глянул на ворону, его передернуло от ее противного голоса. Хрипун подвинулся ближе к Не-надо-не-надо. А она толкала его локтем в бок, чтоб не хрипел ей в самое ухо.

Прыгало взял руками ногу в тряпках и поставил ее к огню. Не-надо-не-надо посмотрела на это и нахмурилась. Хрипун почти и не посмотрел на это. Он все время скользил глазами по голому саду, боясь чего-нибудь.

Нога совсем ничего не чувствовала. Прыгало поставил ее к огню просто потому, что он ее уважал. Пусть, что ли постоит у огня. Может быть внутри она, в глубине самой себя что-нибудь и чувствует? Может быть, ей приятно такое внимание? Потому что Прыгало — весь большой такой — веселится от огня, все внутри Прыгало разогревается таким же алым и движущимся светом, как сам огонь. Прыгало даже знал, что кровь немного похожа на огонь, вот поэтому так и тянуло в холод всем телом поближе к огню, кровь на это отзывалась сплошным весельем. Бесчувствие ноги не могло быть искренним. Прыгало знал, что и она радуется огню, просто не хочет показывать этого. Или, что знала про холод во всем мире, никто холод — наружность мира. А огонь внутри холода. А кровь внутри Прыгало холода не понимал. Если Прыгало — наружность для своей крови, то он все равно радостный, готовый чуть что — ликовать. А холод-наружность — не радостный, он против жизни, да, да, против любой жизни, сильно против, яростно против. Он даже против людей. Но люди посмеются только, да и убегут в свои теплые комнаты. Молодцы! Холод исступленный, вон, гоняет со злобой мусор, ломает ветки. Ха-ха! В комнаты и не пролезет! Бездонный он и бесконечный — холод, холодная наружность он, но огонь внутри холода, а кровь внутри Прыгало. Нет, не понимал Прыгало про холод. Нога, наверное, знает про холод, не зря же она всякий раз ступает немного сквозь землю, отчего у Прыгало кружится голова. Но Прыгало понимал, что раз холод есть, то он и должен быть, и зря мучиться не надо, мучение цепенит и расхоложивает, отговаривает жить, этого не надо, это зря, а все вот как устроено: Прыгало хохлится на холоде, в тряпки свои зарывается, жметя всем собой холодеющим к кровавому красному теплу своего нутра, вот так и холод хохлится вокруг огня, жметя, холодеющий к его жару, значит огонь — нутро холода, и значит холоду холодно, ион торопит свой огонь, льнет, прямо не может, цепенеет уж, подгоняет огонь — погреться дай. Как Прыгало прыгает, торопя свою кровь, чтоб согрелся весь. Так и холод сам к себе льнет, если ничего нет кругом, один ветер. Значит холод допустил Прыгало к своей крови — погреться дал. И разве может Прыгало роптать на холод, коли холод-то и дал ему огня? Незлобивый Прыгало все понимал, с удовольствием втягивал студеный сильный воздух.

Завоняло палеными тряпками. Не-надо-не-надо страшно разозлилась. Она стала быстро-быстро высовывать язык, стала кричать: «Не надо! — да-да-да-да!» Одна бровь ее была прочерчена черным угольком. От этого она была похожа на демона. Прыгало взял свою ногу и отодвинул от огня. Нога дымилась и Прыгало размотал тряпки. Нога стала голая, отечно-синяя. В ступне была пробита сквозная дыра. Все трое загляделись на ногу.

Вилли МЕЛЬНИКОВ

нэдатиджэр — анх — эдат эвебинеджэн
пта — эховак ому сэдж анхэ джемутэк
ийр шэнубитаж энак доадж биджэ
эмму итаджав харуай — джетэк ийр
дируав сэханевут

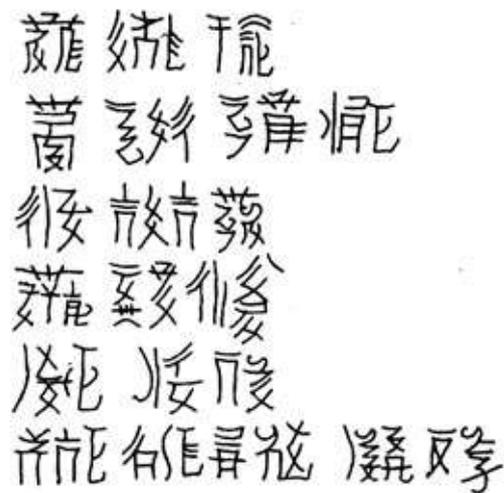
На небо понадеясь, не себя,
но небо укреплю, будто колонну
дам в помощь своду. Вместе просияем,
спасенные друг другом от кипенья
полуденных вулканов. Их утопим
в непониманьи языка прохлады
пустыней, опрометчиво споровшей
с одежд своих оазисы-застежки.

(древнеегипетский)

тхэ-са-кые
лхие-лдвон-теэы-у
пыэ-тшэ-ндзие
ко-тхвей-лва
му-кхве-нджиэ
ндиу-нджион-ндеы-ту-мби
Эту скалу, похожую на парус,
лепил гончар, мечтавший о морях.
Скала — лишь парус с неба-корабля,
что затонул, на месяц наскочив.
А трюмный мрак созвездьями изъеден.

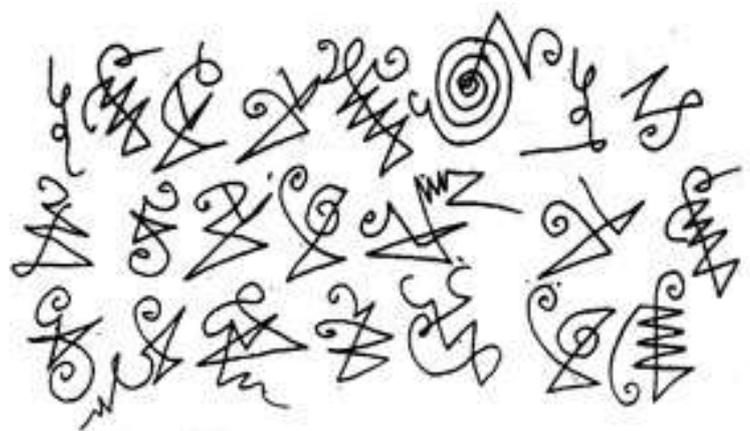
(тангутский)

туайймоаэнт — эоуртсо эуотхантруэйоэсэ
зайехэоа — изаиу рэоувийэуа мгаугайа
уизонрмиайо

Черный цвет —
это пренебрежества цветов радуги,
возмущербно назвавших пустогааньем
его предначертайную
непроницарственность.

(эйахайаранскй)

*Оригин. текст, транскрипция и перевод Вилли
Мельникова*

Не нужен ты в Америке
 Не нужен ты в Испании
 Не нужен ты в Китае
 В Японии не нужен
 Не нужен ты в Италии
 И даже в Гватемале
 Уж в Гватемале точно
 В России ты не нужен
 Не нужен в Антарктиде
 На острых простынях
 Пингвинов-недоносков
 Не нужен ты в Майами
 И в шведском королевстве
 В английском это точно
 В английском без проблем
 Не нужен ты в английском
 Любовнице не нужен
 Не нужен даже дочери
 Ты в армии не нужен
 Убийцам подворотен
 Бомзам из Сан-Франциско
 И с площади вокзалов трех...
 Не нужен ты себе

Но сам себе ты нужен
 В тебе смеркается Париж
 Венеция смеркается
 И кашляет Детройт
 И легкие болят
 От воздуха тугого
 Антарктики гребучей
 И просят проститутки
 В порталах Рипа Бан
 Отдаться хочет Клио
 И Цезарь намбе файв
 Все дрожит на тебя
 Все два тысячелетья
 Они и не кончаются
 Не может Цезарь кончить
 И начать Горбачев
 Не нужен ты ни Цезарю
 Ни Ельцину ни Горбачеву
 Ни Риму ни футболу
 Ни русскому народу
 Ни дохлomu пришельцу
 С железистым концом

Прощаю тебе Господи
 Никчемное создание
 За созданное просто
 Ни в имя ни во чье

Живущее никчемно
 Никчемно пьющее
 И трахая никчемных
 Никчемно воспроизводя

Прощаю тебе Господи
 За месь ненужных никому
 Европоодиноких
 И африкозабытых
 Китаепреклоненных
 Америкосмирненных
 Россияосложненных
 И презираемых Россией!

"Газета ПОэзия" № 1, 1995.

Учредитель группа ДООС (Добровольное Общество Охраны Стрекоз)
 при участии Всемирной Ассоциации писателей (Русский Пен-клуб).

Председатель редакционного совета доктор философских наук, обозреватель газеты "Известия" Константин Кедров.

Newspaper for Poets Challenges Literary Journals

By Veronica Bode

Special to The Moscow Tribune

Poetry is being read all over Moscow, in the parks, metros and in the homes of all literary minded people.

If it isn't, it should be, for the city has, at last, its own newspaper totally devoted to everything poetic.

Aptly named, *Poetry* is a newspaper of poets for poets and it's the first of its kind in Moscow. It is planned to be published monthly as a supplement to the daily paper *Izvestia*.

The newspaper was founded by the DOOS poetic group, which was formed 10 years ago by a group of poets including Konstantin Kedrov, who is now *Poetry's* editor-in-chief.

DOOS is a Russian acronym standing for the "Voluntary Society for the Protection of Dragon Flies" — a well-known Russian fable by Ivan Krylov.

The group created *Poetry* to provide a forum for poets separate from the vast number of literary journals that combine all genres of writing.

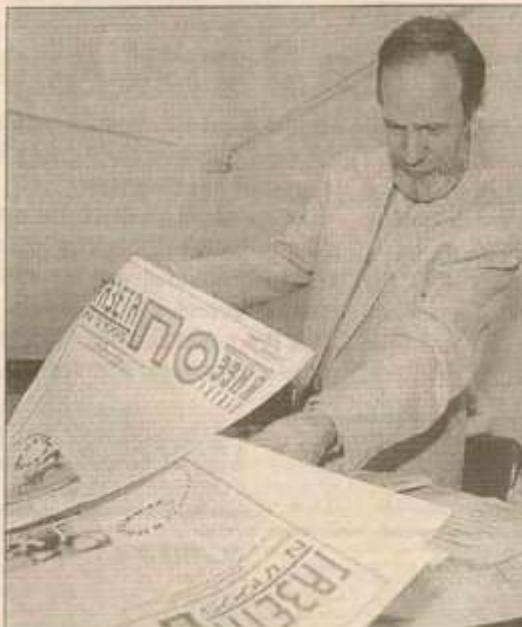
"There has been a need for this kind of paper for ages and what's important is that it's been compiled totally by the poets themselves without much outside interference," said Kedrov.

The editors are striving to ensure that their newspaper is exactly about what its title suggests, although some prose and the odd essay connected with poetry will be printed from time to time.

'There has been a need for this kind of paper for ages ... it's been compiled totally by the poets themselves without much outside interference.'

As for criticism, an editorial column will give ample opportunity for poets and readers alike to applaud or ridicule works by other poets. And there will be no spoon-fed explanations for the poetic novice, who will have to exercise his own grey cells to figure out what the poet means.

In the first issue, readers will be treated to contemporary poets such as Helena Katsuba, Igor Kholkin and Vasily Betaku. A front-page article by Editor-in-Chief Kedrov, "Comments For the Absent Text," demonstrates the paper's avant-garde tendency.

The first edition will also feature visual poetry with works by Igor Burkhin, Heinrich Saggit and Andrei Vonesensky.

There will also be a poem by the avant-garde poet Andrei Bartenev along with a photo from his latest exhibition.

Even the small works of prose included are poetical, with works by Valeria Nurbikova, Nina Sadur and Viktor Perik.

The format created for *Poetry* is what Kedrov calls metaphor and anagram verse. The poets think that the language of poetry should be similar to that of everyday life, but must have its own particular meaning.

The editors are proud of their accomplishment and self-sustained efforts.

The publisher eventually hope to distribute the paper abroad in universities and Slavonic cultural centres throughout Europe.

'Poetry' Editor-in-Chief Konstantin Kedrov show off the first issue of the monthly newspaper devoted solely to verse and poetic expression.

Photo by Vladimir Savinov/The Moscow Tribune

Поэтические увлечения охранников стрекоз

Блава КИРИНА, журналист

Впервые в мире и впервые в истории русской культуры появилась на свет новая газета — «Поэзия». Газета поэтов и для поэтов, «Газета Поэзия» для поэзии. Возникла как итог многомесячных усилий поэтической группы «ДООС», имеющей экзотическую, но вполне в духе самого замысла газеты расшифровку — «Добровольное общество охраны стрекоз». Главный редактор — поэт Константин Кедров.

Неизвестно, как группе удастся охранять стрекоз, но газета у нее получилась неплохая. Руководствуясь девизом «Петь — это дело!», создатели газеты пытались совместить легкость поэтического восприятия и серьезность культурологических тестов. Насколько удачно — судить читателям, точное, почитателям. Ведь «Поэзия» — издание хотя и недорогое по цене, но элитарное по содержанию, предназначенное для тех, кто в поэзии предпочитает метафору и анаграммный стих.

Авторы газеты свободно переходят с русского на тангутский, и с голландского на придуманный ими самими, но так и не переве-

денный язык. Есть здесь и новые видеомы Андрея Вознесенского, и комментарии к отсутствующему тексту, и стихи нидерландских поэтов-модернистов.

Первый номер «Поэзия» пробный. Размер тиража определяли материальные возможности, чувство юмора и эстетические взгляды создателей газеты — 999 экземпляров. Большая часть его уже отправлена любителям современной российской словесности в Западную Европу и Америку. Но часть, как видно на снимке, досталась и российским поклонникам поэтического авангарда.

Фото Виктора АХЛОМОВА.

Презентация первого номера «Газеты Поэзия»
В Русско-американском информационном Пресс-центре.
Выступает Андрей Вознесенский.

Презентация первого номера «Газеты Поэзия»
в Русском Пен-центре.

Слева направо: Игорь Холин,
Константин Кедров, Генрих Сапгир